

Каутский Карл

Томас Мор и его Утопия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К23

К23 **Карл К.**
Томас Мор и его Утопия / Каутский Карл – М.: Книга по Требованию, 2023. – 291 с.

ISBN 978-5-519-88666-6

История социалистический мысли. Всеобщая история социалистической мысли. Социалистическая мысль в период феодализма V - пол XV в.. Утопический домарксовский социализм, История социалистический мысли. Социалистическая мысль в Великобритании. Социалистическая мысль феодального общества V - пол XV в.. Мор Томас 1478-1535

ISBN 978-5-519-88666-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание настоящей книги разошлось уже давно. Но работы мои были столь далеки от эпохи Реформации, что я никак не мог собраться ознакомиться с новейшей литературой о Томасе Море. Только последним летом мне представился для этого подходящий случай. К величайшему моему изумлению, мне пришлось убедиться, что литература эта крайне ничтожна и не дает оснований для какого бы то ни было существенного изменения изложенных в настоящей книге взглядов. Мне пришлось лишь внести в нее некоторые незначительные детали и вновь просмотреть ее с формальной стороны. Я могу предложить ее читателю с приятным сознанием, что два десятилетия, протекавших со времени первого издания моего „Мора“, оставили вполне неизменными как конечные выводы, к которым я пришел в этой книге, так и методы, при помощи которых я к этим выводам пришел.

„Томас Мор“ был первой более крупной исторической работой которую опубликовал один из немецких учеников Маркса и Энгельса на основе развитого нашими учителями материалистического понимания истории. Этот взгляд на историю, на который в то время мало обращали внимания, стал с тех пор в социал-демократии господствующим методом, охватывающим все пролетарское мышление. В такой же мере возросли, конечно, и критические нападки на эту теорию, и притом нападки, исходящие из рядов не одних только наших врагов. Но вся эта критика ни малейшим образом не повлияла на дальнейший рост и расцвет теории материалистического понимания истории. Плодотворное влияние этой теории выразилось как во все увеличивающейся из года в год научной литературе на различных языках, дающей нам возможность

все глубже проникать в прошлое и все лучше понимать настоящее, так и в той уверенности и последовательности, которые она придает практике классовой борьбы во всех культурных странах. А это, как известно, является лучшим испытанием для всякого метода исследования и мышления: о ценности метода судят по результатам его применения.

Карл Каутский.

Берлин, март 1907 г.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Эпоха гуманизма и реформации

ВВЕДЕНИЕ.

У преддверия социализма стоят два мощных бойца—Томас Мор и Томас Мюнцер. Слава этих двух мужей в свое время гремела по всей Европе. Один из них—государственный деятель и ученый, достигший в своем отечестве высших государственных почестей и издававший сочинения, которым удивлялись его современники; другой—агитатор и организатор, наскоро собравший полчища пролетариев и крестьян, перед которыми содрогнулись немецкие владельные князья... Они не имели между собою ничего общего ни в своих воззрениях, ни в методе действия, ни в темпераменте, но равны друг другу по смелости и твердости убеждений,—у обоих одна конечная цель—коммунизм; сходен также и конец их: оба погибли на эшафоте.

Неоднократно пытались оспаривать у Мора и у Мюнцера их право на вечную славу—право считаться в истории основателями социализма. Придерживаясь известной поговорки: „бедных всегда было довольно, да и будет столько же“, многие уверяют, что и социалисты существовали искони и всегда будут существовать, причем, конечно, никогда им не удастся достигнуть своей цели. А в доказательство этого стараются приводить ряд социалистов древности, начиная с Ликурга и Пифагора и кончая Платоном, Гракхами, Катилиной и Христом с его апостолами и учениками.

Нам и в голову не приходит отрицать, что с развитием товарного производства уже в древности появился класс немущих свободных граждан, которых римляне называли пролетариями.

В связи с этим явлением тогда же обнаружались стремления к уничтожению или смягчению тех или иных социальных несправодливостей. Однако, древний пролетариат в значительной степени отличается от современного. Об этом было сказано уже так много, что разбирать здесь этот вопрос детально нам кажется совершенно излишним. Достаточно будет указать на то, что древний и современный пролетарий относятся друг к другу так, как жалкий бродяга, ведущий паразитический образ жизни, к рабочему, являющемуся необходимым условием существования какой бы то ни было культуры.

И вот, подобно тому, как различается от современного древний пролетариат, так же точно и так-называемый древний „социализм“ вовсе не похож на нынешний. Установить все оттенки этих различий мимоходом нельзя—это потребовало бы отдельного специального труда, обнимающего всю древнюю историю, так как, ведь, различные древние „социалистические“ попытки, кажущиеся при поверхностном рассмотрении проявлениями того же принципа, в действительности были вызваны самыми разнообразными причинами и выражали собою подчас самые разноречивые тенденции.

Таким образом, нередко иному историку кажется, будто в Риме при Юлии Цезаре или в Афинах при Демосфене он может найти пролетариат, ничем не отличающийся от такового времен Наполеона III или берлинских баррикад 1848 г. На самом же деле, однако, пролетариат даже за сравнительно небольшой промежуток времени своего действительного существования, именно за 400 лет, никогда не оставался тождественным, — напротив того, он все время подвергался сильнейшим изменениям соответственно экономическому развитию данной эпохи. Пролетариат 1848 года уже существенно разнится от современного, а тем более, значит, от того, который жил и действовал во времена „Утопии“. Капитал находился тогда только лишь в начале своей экономической революции; феодализм оказывал еще мощное влияние на хозяйственную жизнь народных масс. Новые идеи, развившиеся вследствие изменившихся классовых интересов, должны были еще облекаться в формы отживавшего феодального кругозора, а этот, в свою очередь, продолжал лелеять свои традиционные иллюзии, хотя почва для них давно уже была потрясена в самых своих основах.

Своеобразному характеру этой эпохи, само собою разумеется, должен был соответствовать и тогдашний социализм. Мор был сыном своего века; он не мог высвободиться из его тесных рамок; однако, гениальность его, проницательность и, пожалуй, даже отчасти инстинкт ясно сказываются в том, что он сумел уже в современном ему обществе заметить те проблемы, зародыши которых оно в то время только лишь начинало вынашивать.

Основы его социализма в общем не отличаются от современных, однако, они опутаны таким количеством отжившего, что изолировать и выделить их из всего исторически отслужившего свою роль представляется задачей далеко не легкой. Правда, по своему направлению социализм Мора нигде и никогда не становится реакционным; он далек был от склонности многих „социальных реформаторов“ XIX века видеть спасение мира в восстановлении феодального режима. Однако, для решения встречавшихся ему на пути вопросов он нередко располагал только теми средствами, какие рекомендовал в то время феодальный строй. И вот, в этих-то случаях ему зачастую приходилось изворачиваться вкривь и вкось, чтобы приноровить эти феодальные средства к своим целям.

Кто без дальнейших околичностей примется за изучение коммунистической теории Т. Мора, тому многие из его положений могут показаться дикими, нелепыми и произвольными, между тем как на самом деле положения эти зиждутся на основательном и продуманном изучении нужд и потребностей современной Мору эпохи.

Как и вообще всякий социалист, так же точно и Мор может быть понят только лишь в том случае, если стать на точку зрения современной ему эпохи. Между тем, именно эту эпоху значительно труднее понять, чем век любого последующего социалиста, так как она сильно разнится от современной нам. Чтобы разобраться в ней, необходимо познакомиться не только с начальными стадиями развития капитализма—надо узнать также последнюю пору жизни феодализма и прежде всего детально постичь ту громадную роль, которая в это время доставалась на долю, с одной стороны, церкви, с другой—мировой торговли. Мор точно также подпал под сильное влияние того и другого, и нам пришлось бы переливать из пустого в порожнее, если бы мы поддались хоть на минуту искушению набросать

характеристику личности и творений первого социалиста, не обрисовав предварительно, хотя бы даже в самых общих чертах, то историческое положение, продуктом которого он является.

Выяснению этих-то исторических соотношений и будет посвящен первый отдел этой книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновение капитализма и современного государственного строя.

1. Феодализм.

„Науки процветают, умы пробуждаются — любо жить в такое время“ — так восклицал Гуттен о своей эпохе. И он был совершенно прав. Для такой боевой натуры, какой был Гуттен, приятно было работать в ту пору, когда смело разрушались устарелые традиции и унаследованные предрассудки, когда медленное движение общества по пути к прогрессу было уложено в надлежащее русло, когда умственный горизонт европейского общества бесконечно расширился, когда создавались новые классы, новые идеи и новые арены для умственных схваток.

Будучи „рыцарем ума“, Гуттен имел полное основание радоваться своему веку. Как член рыцарского сословия, он должен был бы относиться к нему с гораздо меньшей приязнью. В то время его сословие, несомненно, терпело поражение: он должен был разделять его судьбу. Рыцарскому сословию представлялся тогда лишь выбор между уничижением или продажей себя в службу князьям, лишая себя почвы под ногами.

Характерной, отличительной особенностью XVI века является смертельная борьба между феодализмом и нарождающимся капитализмом. Этот век носит на себе отпечаток обоих способов производства, он представляет из себя как бы диковинное сочетание и того и другого.

Основую феодализма являлось крестьянское и ремесленное производство в пределах одной общины (Markgenossenschaft).

Одна деревня или несколько обыкновенно составляли одну общину, владевшую сообща лесом, выгоном и водою, первоначально

также и полями. В пределах одной такой общины совершалось все средневековое производство. Общее земледелие, а также поля и сады, перешедшие в частные руки, доставляли жизненные припасы, какие только были нужны, именно хлеб, скот, дичь и рыбу, а также и сырые продукты, которые перерабатывались или в самой патриархальной семье, или же деревенскими ремесленниками. Общественная и частная деятельность сводилась к доставлению необходимых продуктов для собственного потребления самого производителя или его семьи, или общины, или же, наконец, в некоторых случаях, и самого феодального владельца.

Община являлась, таким образом, экономическим самодовлеющим организмом, который не имел почти никаких экономических связей с внешним миром.

Результатом подобного рода условий являлась чрезвычайная исключительность. Кто не был общинником, считался чужим, бесправным или неполноправным, даже если он и навсегда селился в общине; это продолжалось до тех пор, пока он не приобретал себе недвижимой собственности. Весь внешний, паходящийся вне общины мир считался „заграницей“.

Таким образом, у общинников, с одной стороны, появлялась аристократическая заносчивость в отношениях к пришельцам извне, которые не были в состоянии приобрести недвижимую собственность, с другой—крайне узкий, чисто местный патриотизм, политика своего погоста или округа, которая во многих уединенных или экономически отсталых местностях порою сказывается еще и поныне. На этих-то началах зиждется партикуляризм и сословная разобщенность, составлявшие отличительный характерный признак средних веков.

Хозяйственная (экономическая) связь феодального государства при таких условиях могла быть только очень непрочной. Государства так же быстро распадались, как и создавались вновь. Даже сам национальный язык не мог быть сильным связующим звеном, так как экономическая исключительность общин благоприятствовала сохранению и даже развитию местных наречий.

Единственной сильной организацией, стоявшей над общинами, была вселенская католическая церковь с ее всеобщим латинским языком и повсеместным землевладением. Она-то одна и связывала всю массу маленьких самодовлеющих производителей латеск Запада.